

ИСКУССТВО ПРАВДЫ И КРАСОТЫ

ОН ПРИХОДИТ к нам сегодня своими лентами и книгами, особенно щедрым, богатым, вдохновенным и, как никогда, требовательным, взыскательным... В прозрачное сентябрьское утро словно раздвигает ветви с плодами в посаженном им саду на родной студии и долгим, пронзительным взглядом всматривается в то, что сегодня делаем, о чем думаем, спорим...

Это тот Александр Довженко, которого мы знали по «Арсеналу», «Земле», «Шорсу», «Звенигоре», «Ивану», «Мичурину», «Аэрограду», «Поэме о море» — по всем его лентам и литературным произведениям, в которых не угасла ни одна искорка необыкновенно смелого его таланта.

Но это и иной Довженко. За последнее время он как бы распахнул перед нами еще полнее все книги своей жизни — вышли очень содержательные тома и его сценариев, и его пьес, и его рассказов, и его статей, выступлений, дневников, записных книжек, замыслов. Появилась возможность новых контактов с интереснейшим современником, проникновения в его внутренний мир... Много новых вопросов мы задаем себе сегодня, думая о Довженко, и среди них — один из главных вопросов, продиктованных потребностью искусства: как жил в душе этого оригинального художника Владимир Ильич Ленин?

И сегодня ответ как-то особенно ямок, прозрачен и увлекателен: Ленин был органически близок всему творческому существу Довженко. Не побоюсь сказать: он держал его на земле. Он, Ленин, давал крылья этой неуемной натуре, крылья, которые нельзя было сломать. Он побуждал его к суровой самокритике. Он берег его самобытность. Он помогал его яркой индивидуальности. Он ковал его смелость. Вспомните, перемотайте все его фильмы. Но не только фильмы. Доставляет огромное удовольствие и пользу следить, вникать, постигать все это по разнообразному наследию, собранному теперь в томах сочинений Александра Довженко.

Все заветные мысли Довженко — о судьбах народных, о красоте труда, о родной земле, о будущем — неотделимы от мысли о Ленине. Образ вождя в душе Довженко нераздельно слит с образом народа. И когда рисовал своего Кравчину — так естественно у него соединялось все сокровенное:

«...Кравчина смотрел на ночной, торжественный и огромный Днепр, на великую реку своей жизни. Высокое и чистое, как у Ленина, чело его было на фоне звездного неба прекрасным. Что-то древнее, общечеловеческое было в нем в эту минуту. Он вспоминал сыновей своих, которые полплыли где-то в боях за водой. На глубоких глазах его выступили слезы, но он и те подавил: пошла слеза назад, утонула в бездне большой его души».

А на другой стороне Довженко вдруг фиксирует подслушанную им реплику колхозника: «С того времени, когда раскололся мир и Ленин стал на стороне человеческого, не покладая я руку».

От восприятия ленинской глубины — у Довженко своеобразный гимн мысли. Он говорил: не трудно нести на экран чувство. Трудно нести мысль. Но надо, надо нести! Что такое жизнь, как не непрерывный сложнейший процесс борьбы, стремлений, идей, мыслей индивидов и масс человеческих? И горевал: «Отсутствие собственного, совершенно индивидуального и неповторимого мышления и создает, по сути, печальную картину неинтеллигентности наших фильмов».

ЕЩЕ и еще раз присмотреться, как шел Довженко к своим художественным открытиям... Читаем: «Эстетические требования народа эпохи Ленина, эпохи победоносного социализма настоятельно зовут нас, художников, к особой взыскательности в вопросах художественной правды и красоты». Здесь ожидают художника радости и открытия. Поэтичность? Но не только поэтичность! Осмысливая своего «Мичурину», Довженко делился, например: «нам удалось в этом фильме, сохранив его поэтический, мой индивидуальный строй, сочетать его с серьезным, научно-познавательным началом, причем два, казалось бы, взаимно исключаящие начала не только не меша-

ют, а, наоборот, дополняют, углубляют друг друга. Это новое в кинематографии, и это наше советское, передовое. И мы по праву можем гордиться этим».

Далеко светит нам эта мысль!

Страстное и мудрое восприятие Ленина придавало такую широту кругозору Довженко, делало его удивительным художником.

И кажется мне, что еще подчас мелко и как-то декламационно берутся у нас «уроки Довженко». Великий кинорежиссер? Но однажды сам Довженко, говоря о своем «совершенно личном сознании художника», заметил, что «круг общественных интересов» его «всегда выходил далеко за пределы кинорежиссуры». Не это ли крайне существенно? Это не только биографический или академический вопрос, с этим связаны наши главные ожидания, наше доверие и наша взыскательность к новым талантам.

ВСЕ ВЫСОКИЕ слова Довженко — всегда чисты и честны, пахнут землей и хлебом, они по-человечески мускулисты — это не бумажные слова. Он, будучи таким преданным сыном Украины, говорил о себе: «Я принадлежу человечеству как художник, и ему я служу». Он жил этим, он упорно шел к этому. И великой школой подвига в искусстве для будущих мастеров звучит такое его признание: «Искусство мое — искусство всемирное. Буду работать в нем, сколько достанет сил и таланта. Буду, хочу жить добротой и любовью к человечеству, к самому дорогому и великому, что создала жизнь, — к человеку, к Ленину».

Мы все живем сейчас после большого события, вобравшего в себя самую реальную и самую прозорливую «доброту и любовь к человечеству», — в труднейшую, заключительную треть нашего века. Я говорю о недавнем Совещании представителей 75 коммунистических и рабочих партий мира. Какой поразительный заряд энергии способно дать Совещание каждому честному художнику, вся коллективная работа мысли и чувств его участников, весь небывалый их опыт, в том числе горький, но поучительный, накопленный всеми теми, кто борется, кто обновляет мир.

И думается, не лучший ли способ для деятелей нашего кино, литературы, способ почтить сегодня память Довженко — это еще более смело и зрело углубиться в реальную действительность исторической борьбы двух систем, которая подчас незаметна для взгляда, но все глубже пронизывает всю нашу жизнь и деятельность, наполняя будничное — высоким, обыденное, трудовое — революционным, научное — человеческим, национальным — международным, интернациональным... Важно сказать и другое: среди оставленных нам задумок Довженко есть мимоходом брошенное замечание о том, как хотелось бы ему, всей исторической полноте нарисовать фигуру украинского колхозника: «Писать буду так: в одну руку возьму маленькую кисточку для выписывания глаз и ресниц, другой рукой возьму самую крупную широкую кисть для десятилетий, для пространств, количеств, великих и величайших событий. Попробую сложить все в единое целое».

После московской встречи тех, кто обновляет мир, кто идет к нашей цели, опрокидывая невероятные завалы трудностей, особенно думаешь: как нужно сегодня художнику это доженковское богатство кистей «для десятилетий», для охвата и проникновения во все измерения величайшей смены эпох и во все глубины человека.

Как отточена должна быть сегодня творческая мысль советских кинематографистов! Веление времени: в самых разных странах киномастера не могут не обращаться к жгучим общественным проблемам. Но как часто однообразие и фальшь вползают в истолкование социальных проблем века даже в смелых картинах в общем прогрессивных мастеров, при добросовестных их намерениях.

Очевидно, нам предстоит целая полуса глубочайших, всесторонних разборов английских, французских, итальянских, американских и других картин, берущих жгучие, кричащие социальные вопросы современности. Тут — экзамен, суровый экзамен нашей кинокритике, кинотеории.

Но поистине огромное значение будет иметь смелое обращение советских наследников Эйзенштейна, Пудовкина и Довженко к разнообразной международной социальной проблематике, наши художественные решения новых острых тем, которые стучатся в совесть человечества, — будет ли это наш, принципиально отличный, художественный подход к проблемам человека перед лицом научно-технической революции или оригинальная кинореволюция с далекими фронтами борьбы против неоколониализма.

МИРОВОЕ кино сегодня особенно пестро, сложно, запутанно. Есть в нем своя инерция, накопившиеся противоречия подчас представляют «привычными», будто бы сглаживаются «примиряющим» профессионализмом.

Но те водоразделы в мировом киноискусстве, которые так остро всегда ощущал Довженко, дают о себе знать сегодня фактами такой концентрации, что их нельзя воспринимать «привычным» сознанием, нельзя не анализировать многосторонне и до конца.

Не идет из ума недавняя кровавая оргия в предместье Голливуда, на вилле Бенедикт-Каньон. Нет, это не просто «еще одно убийство». Мол, тому ли удивляться, что убили киноактрису Шерон Тейт и ее четырех гостей? Странно-то такая, что и президентов, и священников, никого не щадят...

Но та пропасть, именно пропасть, которая отделяет человеческое, прогрессивное, социалистическое искусство от кинематографа цивилизованного варварства, вдруг предстала с такой обнаженностью, так выпукло, что только карьеростроительные слепцы не различат здесь крайнего, страшного урока. В одном клубке, в одном фокусе — насилие, бизнес, наркомания, секс, античеловечность.

«Золотая» пропасть с кровавым дном еще притягивает к себе слабые души. Ведь надо было кинорежиссеру Роману Полански, мужу 28-летней, ожидавшей ребенка Шерон Тейт, променять в свое время Польшу на страну, где господствует античеловечность. Филип Боноски был прав, когда написал, что Полански, выбрав затем своей музой фильмы ужасов (Шерон Тейт была героиней фильма «Вал вампиров»), сознательно «играл с патологией», он дал «наглядное кинопособие» садистам, и он дожил до того, что увидел в действительности джинна, выпущенного им на экран. Даже бывалые детективы были потрясены, увидев подробности злодеяния — лужи крови на вилле, вырезанные у женщин груди и т. д. «Вал вампиров» сошел с экрана, пришел в дом к режиссеру. Но урок шире, шире, и, если хотите, его с редкой точностью раскрыла американская газета «Нью-Йорк дейли ньюс». Она писала: трупы на вилле были изуродованы, «совсем так же, как делают солдаты частей особого назначения, натренированные для борьбы против вьетнамских партизан». Одни истоки, одни законы — неоновых джунглей.

...Проходящая через сердце, будоражащая мысли нота острой ответственности перед народом и временем звучит в многогранном творчестве Довженко, не оставляя места для улады гладким, жуирующим, самодовольным...

Все ли, все ли мы делаем, чтобы оружием искусства еще разительнее обличать корень всех уродств, всех ужасов старого мира, всю, как говорят ученые, историческую архаичность принципов частной собственности и частного предпринимательства в век ядерной энергии, кибернетики? И мы должны делать все для того, чтобы по-новому воодушевить людей красотой нового мира.

Александр МИХАЛЕВИЧ.